

П. Лавров

**Формула прогресса Н.К.
Михайловского. Противники
истории. Научные основы
истории цивилизации**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Лавров**
Формула прогресса Н.К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации / П. Лавров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 146 с.

ISBN 978-5-458-54917-2

ISBN 978-5-458-54917-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не встрѣчались попытки самостоятельно шагнуть далѣе по пути объединяющаго міросозерцанія, удовлетворяющаго задачамъ современности. Если эти попытки рѣдки, то тѣмъ болѣе онѣ заслуживаютъ вниманія, и даже тамъ, гдѣ вполнѣ удачными онѣ названы быть не могутъ, онѣ требуютъ разбора. Наша публика такъ не привыкла отличать самостоятельную мысль отъ перепѣва, что очень часто пропускаетъ безъ вниманія и то, что стоитъ обдумать хорошенько.

Я нисколько не колеблюсь отнести къ философскимъ статьямъ, весьма замѣтнымъ по силѣ мысли, по обстоятельности взгляда и по прочности убѣжденій статьи г. Михайловскаго: „Что такое прогрессъ“, помѣщенные въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года (№ 2, 9, 11). Авторъ часто отклоняется въ сторону и позволяетъ читателю терять нить вывода, но это недостатки формальные и важность разсматриваемаго авторомъ вопроса и достоинство его статей заставляютъ меня остановиться на его трудѣ. Этотъ трудъ заслуживаетъ не голословной похвалы, а тщательнаго разбора основныхъ мыслей, и потому именно, что я во многомъ сочувствую мыслямъ автора и раздѣляю ихъ, я надѣюсь, что его не оскорбятъ возраженія, вызванныя желаніемъ еще болѣе разъяснить и установить сочувственные мнѣ взгляды.

Вопросъ о значеніи прогресса потому особенно важенъ, что онъ есть окончательный вопросъ соціологіи и основной вопросъ исторіи.

Пока соціологъ не уяснилъ себѣ, въ чемъ именно надо видѣть прогрессъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя части соціологіи отрывочны, ихъ отношенія неопредѣленны и онѣ едва ли могутъ идти далѣе собиранія и группировки фактовъ, далѣе описанія того, что было и что

есть, далѣе полученія кое-какихъ эмпирическихъ законовъ, научный смыслъ которыхъ остается не яснымъ. Пока социологія не установила смысла прогресса, до тѣхъ поръ она, какъ цѣльная и единая наука, не существуетъ.

Но если понятіе о прогрессѣ служить завершеніемъ социологіи, то безъ него нельзя даже приступить къ разумному построенію исторіи. Что должно войти въ историческій рассказъ и что можетъ быть оставлено въ сторонѣ? Чему слѣдуетъ стоять на первомъ планѣ и чему на второмъ? Каковъ смыслъ событій? Каково значеніе дѣятелей? Всѣ эти вопросы получаютъ отвѣты только на основаніи того взгляда на прогрессъ, который установилъ для себя историкъ, принимаясь за дѣло. Если историкъ ясно созналъ это требованіе и вѣрно понялъ значеніе прогресса, то его трудъ осмысленъ. Если авторъ ложно смотритъ на требованіе прогресса, то его рассказъ даетъ искаженное понятіе о ходѣ исторіи. Если же ученый вовсе не думалъ уяснить себѣ понятіе прогресса и довольствуется въ своей исторіи случайными взглядами, пріобрѣтенными въ жизни и не соглашенными, то его трудъ научнаго значенія вовсе имѣть не можетъ, а развѣ представить, по своему фактическому содержанію, годный матеріалъ для будущаго историка.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что даже самая малѣйшая неполнота, или неточность, въ установленіи понятія о прогрессѣ имѣетъ весьма важное значеніе для двухъ областей человѣческой мысли, не говоря уже о томъ, что она имѣетъ и значеніе жизненное. Поэтому, указаніе, дополненіе и разработка этого понятія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей философскаго мышленія. Это хорошо поняли многіе изъ современныхъ мыслителей.

Г. Михайловскій написалъ свою статью по поводу теоріи прогресса Герберта Спенсера, поэтому его трудъ распадается на двѣ части, отрицательную и положительную. Въ отрицательной части своего труда г. Михайловскій подвергаетъ строгой критикѣ параллель, проводимую между индивидуальнымъ и общественнымъ организмомъ, и попытки приложить объективный методъ къ социологіи. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора относительно этихъ вопросовъ, я на нихъ останавливаться не буду. Насколько помню, сходные взгляды были высказаны въ критической статьѣ по поводу первыхъ выпусковъ г. Спенсера въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ 1867 г., но г. Михайловскій развилъ свой взглядъ гораздо подробнѣе и, очевидно, совершенно самостоятельно. Положительная сторона теоріи г. Михайловскаго тѣсно связана съ его взглядомъ на социальное значеніе раздѣленія труда и формулирована имъ весьма ясно въ его опредѣленіи прогресса, опредѣленіи, которымъ авторъ заключаетъ свою статью.

„Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣльности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно лишь то, что уменьшаетъ разнородность общества, увеличивая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ частей“.

Такова заключительная теорема социологіи и основная теорема исторіи, по мнѣнію г. Михайловскаго.

Я уже сказалъ выше, что имѣю въ виду не отрицаніе взглядовъ автора, а нѣкоторое разъясненіе и до-

полненіе, въ которыхъ его формулы, по моему мнѣнію, нуждаются. И въ этомъ видѣ, который приданъ теоріи прогресса авторомъ, она, по полнотѣ, по опредѣленности и по практической важности можетъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду извѣстныхъ мнѣ теорій прогресса, выставленныхъ въ Европѣ, въ особенности съ точки зрѣнія соціологической. Но какъ ни важны въ этомъ отношеніи заслуги г. Михайловскаго, я всетаки не могу согласиться, чтобы его формула прогресса удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, которыя должны быть ею удовлетворены по ея важности для науки вообще.

Обращу вниманіе на три условія, которыя, между прочимъ, считаю необходимыми для всякой рациональной формулы прогресса:

1) Такъ какъ „высшій контроль“ въ соціологii „долженъ принадлежать субъективному методу“—и это положеніе прекрасно развито и доказано г. Михайловскимъ,— то формула прогресса должна выражать это отношеніе между субъективнымъ и объективнымъ пониманіемъ общественныхъ явленій.

2) Какъ формула *прогресса*, она должна допускать для общества идеальнаго, удовлетворяющаго требованія, въ ней заключающимся, возможность *дальнѣйшаго* прогресса.

3) Какъ основаніе исторіи, она должна быть приложена ко всѣмъ фазисамъ исторіи и давать возможность развить исторію цивилизаціи, руководствуясь понятіемъ о прогрессѣ, заключенномъ въ данной формулѣ.

Первое условіе должно бы, какъ кажется, быть принято г. Михайловскимъ на основаніи его собственнаго взгляда на методъ въ соціологii. Второе условіе, мнѣ

кажется, само собой разумѣется, и его нарушеніе привело бы, полагаю, къ противорѣчію въ самомъ понятіи прогресса. Отбросивъ же третье условіе, мы навсегда лишимъ исторію всякаго раціональнаго основанія и осудимъ ее на болтовню пестрыхъ разсказовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ основнымъ задачамъ социологіи.

Между тѣмъ, именно повѣряя формулу г. Михайловскаго тремя приведенными выше условіями, можно убѣдиться въ ея неполнотѣ.

Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что г. Михайловскій, такъ сильно, обстоятельно и убѣдительно доказывавшій первенство *субъективнаго* метода въ социологіи, получилъ формулу *объективную*. По послѣднимъ строкамъ его, выписаннымъ мною, выходитъ, что не только для вреда и неразумности, но и для нравственности и справедливости оказывается безусловная, объективная норма, такъ что человѣкъ, собственно, не имѣетъ и не имѣлъ никогда права считать что-либо справедливымъ и нравственнымъ, кромѣ того, что заключается въ постановленной формулѣ. При многократномъ оспариваніи г. Михайловскимъ самаго принципа безусловной справедливости—съ чѣмъ я позволяю себѣ не согласиться и вернусь къ этому ниже—это можно бы считать противорѣчіемъ, такъ какъ едва ли не всякій читатель пойметъ послѣднія фразы г. Михайловскаго, какъ категорическое правило для человѣческой нравственности и справедливости, правило, не допускающее измѣненія ни во времени, ни въ пространствѣ, и безусловно подчиняющее нравственное мышленіе человѣка разъ навсегда установленному закону, столь же неизмѣнному, какъ законы тяготѣнія. Если г. Михайлов-

скій правъ, когда доказывалъ зависимость нравственныхъ идеаловъ отъ времени и мѣста, то онъ не правъ, выражаясь категорически: безнравственно *это*, нравственно *то*, при чемъ объектъ нравственности есть не развивающійся принципъ, а совершенно положительное правило, не субъективное состояніе духа, а объективный процессъ. Если же г. Михайловскій правъ въ своей установкѣ нормы для объективной нравственности, то его подробный и прекрасный анализъ субъективнаго и объективнаго методовъ въ социологіи не вѣренъ: эта формула вполне независима отъ наслажденія и страданія личности.

Но меня могутъ обвинить въ придирчивости.

Можно допустить, что субъективнымъ методомъ мышленія надъ социологическими задачами (т. е. имѣя въ виду наслажденіе и страданіе личностей) мы дойдемъ до объективнаго закона общественнаго развитія. Можно допустить, что всѣ разнообразныя понятія о нравственности и справедливости, измѣнявшіяся по времени и по мѣсту, были ложны, потому что вырабатывались ошибочными приѣмами; но теперь, когда анализъ личнаго и общественнаго блага дозволилъ употребить болѣе точныя приемы, теперь мы получили безусловно вѣрную формулу нравственности и справедливости, которой *обязательно* подчинить разнообразныя субъективныя понятія о предметѣ, какъ перепутанныя пути планетъ теряютъ свою спутанность, лишь только умъ нашъ способенъ прослѣдить за выводомъ законовъ Кеплера. Въ такомъ случаѣ допустимъ, что формула г. Михайловскаго вѣрна, примемъ ее за безусловную формулу прогресса и посмотримъ, возможенъ ли прогрессъ въ идеальномъ обществѣ, гдѣ требованія формулы были бы удовлетворены.

Я перехожу къ повѣркѣ его формулы вторымъ условіемъ, приведеннымъ выше.

Невозможности, противопоставляемыя природою полному равенству особей, заключаются въ различіи пола и возраста. Невозможности, противопоставляемыя ею же всестороннему развитію отдѣльной личности, заключаются въ кратковременности человѣческой жизни. Я говорю лишь о тѣхъ невозможностяхъ, которыя безспорны, и допускаю, что техника сумѣетъ преодолѣть всѣ остальные.

Даже различіе пола не возьму въ соображеніе, потому что въ настоящее время уже можно считать вѣроятнѣйшею доступность одинаковаго развитія для обоихъ половъ при правильномъ воспитаніи, выборныя же половыя привязанности, играющія теперь весьма важную роль въ обществѣ и влекущія за собой чрезвычайную неравномѣрность отношеній, могутъ въ новомъ общественномъ строѣ потерять свое социальное значеніе, или войти въ новыя комбинаціи, которыя намъ трудно себѣ представить.

Итакъ, различіе возраста и краткость жизни составятъ единственныя ограниченія, которыя я приму для личностей общества г. Михайловскаго. Допуская, что медицина, гигиена и педагогія удлинятъ среднюю и безусловную жизнь личностей (Флуранъ и другіе считали это возможнымъ въ довольно значительной мѣрѣ), сократятъ значительно періодъ дряхлости и совершенно бесполезнаго для общества дѣтства, всетаки нельзя предположить въ этомъ случаѣ безпредѣльнаго прогресса. Допуская весьма значительныя успѣхи науки и техники,—при чемъ первая будетъ стремиться къ обобщенію, упрощенію и объединенію своего матеріала, вто-

рая же къ замѣнѣ значительной части личного труда механическимъ,—все-таки трудно себѣ представить, чтобы каждая личность, въ короткій срокъ своей жизни, усвоила себѣ полное знаніе всѣхъ наукъ и полное мастерство по всѣмъ отдѣламъ техники. Если подобное усвоеніе положительно невозможно, а безусловная нравственность и справедливость требуютъ возможнаго приближенія къ равенству дѣятельности особей, то нѣтъ сомнѣнія, что идеаль равенства долженъ быть достигнутъ всѣми возможными средствами, даже съ ограниченіемъ успѣховъ знанія и техники. Это ограниченіе возможно, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго положенія было бы устраненіе нѣкоторыхъ отраслей знаній, какъ менѣе полезныхъ въ виду невозможности всѣмъ людямъ пріобрѣсти ихъ, и несправедливости, чтобы иные члены общества имѣли одни спеціальныя знанія, другіе члены—другія знанія.

Иначе говоря, слѣдствіемъ этого было бы уменьшеніе области науки и техники. На мой взглядъ это было бы регрессомъ, но г. Михайловскій въ правѣ не признавать этого, и нѣтъ сомнѣнія, что, если бы доказана была очевидная научная противоположность расширенія знанія и техники расширенію справедливыхъ отношеній между людьми, то слѣдовало бы пожертвовать первой областью для второй. Даже есть такія области техники, которыя неизбѣжно атрофируются съ развитіемъ человѣчества, какъ-то военное дѣло, ремесла и искусства, связанныя съ религіознымъ культомъ, вѣроятно, торговое дѣло; но я здѣсь говорю не о естественномъ ослабленіи техники тамъ, гдѣ потребности, ее вызывавшія, ослабѣваютъ, но объ обдуманномъ сокращеніи теоретическихъ и техническихъ знаній въ виду болѣе равномѣрнаго раз-

витія особой общества, хотя потребности, вызывающія знанія, еще существуют. Впрочемъ, я готовъ сдѣлать и еще уступку: допустимъ, что масса знаній и техническихъ приемовъ въ нашемъ идеальномъ обществѣ не превосходить средства особи и что, при правильномъ развитіи, каждый членъ этого общества можетъ овладѣть всѣми отраслями знаній и техники. Тогда всѣ особи достигнутъ идеальнаго развитія, которое требуетъ г. Михайловскій: мы имѣемъ общество, состоящее изъ „цѣлостныхъ недѣлимыхъ“, при чемъ каждый дошелъ до „полнаго и всесторонняго раздѣленія труда между органами“, а раздѣленіе труда между людьми ограничено отдѣленіемъ воспитываемыхъ дѣтей и старцевъ, требующихъ заботъ, отъ взрослыхъ энциклопедистовъ науки и техники.

Конечно, г. Михайловскій не допускаетъ, чтобы это общественное равенство поддерживалось какимъ-либо принужденіемъ, и я не буду допускать этого. Глубокое убѣжденіе въ совершенствѣ подобнаго строя должно составить его прочность. Каждая личность воспитывается, развивается, дѣйствуетъ и сходитъ въ могилу въ полной увѣренности, что она не можетъ и не должна обратиться къ теоретической или практической дѣятельности, которая отличила бы ее отъ другихъ. По всей вѣроятности, ни одинъ членъ общества не можетъ себя и представить подобной дѣятельности; но, если бы онъ ее себя представилъ, то онъ обязанъ отъ нея отвернуться, потому что она увеличила бы разнородность между членами общества, а подобное увеличеніе безнравственно и несправедливо по основной теоремѣ г. Михайловскаго.

Такимъ образомъ, прогрессъ подобнаго общества

могъ бы совершаться лишь слѣдующимъ путемъ: новая теоретическая идея, или новое практическое побужденіе должны бы заразъ явиться въ мозгу всѣхъ взрослыхъ членовъ общества, такъ, чтобы разнородность ихъ не увеличилась бы отъ новой идеи. *Только* такой прогрессъ былъ бы нравствененъ и справедливъ, и, такъ какъ, по предположенію, мы имѣемъ общество, руководствующее безусловно нравственностью, то лишь такой прогрессъ былъ бы возможенъ. Но не только въ мірѣ человѣческомъ, а во всемъ мірѣ позвоночныхъ, насколько мы имѣемъ о немъ понятіе, прогрессъ подобнымъ процессомъ не совершается. Новая мысль и новое побужденіе всегда являются въ мозгу одной особи, большею частью выдерживаютъ борьбу съ другими мыслями и побужденіями сначала въ самой личности потомъ въ мнѣніи другихъ, и усваиваются постепенно, съ трудомъ. Допустить противное—значило бы не только допустить общество идеальное, не состоящее изъ личностей, аналогичныхъ нынѣшнимъ людямъ, а допустить въ немъ существованіе личностей съ иными логическими приѣмами, чѣмъ нынѣшніе люди. Это значило бы идти далѣе предѣловъ раціональныхъ гипотезъ, и потому я считаю себя въ правѣ сказать, что общество, вполне удовлетворяющее требованіямъ *формулы прогресса* г. Михайловскаго, было бы общество *не прогрессивное*. Поколѣнія въ немъ слѣдовали бы за поколѣніями, но они бы такъ же походили одно на другое, какъ нынѣшнія пчелы походятъ на пчелъ временъ Виргилія. Критическая мысль атрофировалась бы. Исторія прекратилась бы. Насколько я понимаю слово „цивилизациія“, оно было бы не примѣнимо къ подобному обществу, которое бы жило чисто культурною жизнью, жизнью высшихъ без-